

*Памяти
Александра Леоновича Грюнберга
посвящается*

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

АЛЕКСАНДР ЛЕОНОВИЧ ГРЮНБЕРГ-ЦВЕТИНОВИЧ

(1 МАРТА 1930—3 МАРТА 1995)

*Йоман қадр-и ки ҷа диш —
д-ам дәнйо, д-ам дәнйо.
Бад-и мардан хъат ҷа кын —
йавъ хэто, йавъ хэто...*

*Цените друг друга —
в этом мире, в этом мире.
После смерти, хоть исцарапайся, —
все зря, все зря...*

Ваханская песенка
(ср.: «Список...» № 32. С. 31, 39)

Иранистика, подобно иным гуманитарным наукам, знает немало примеров самоотверженного служения и замечательных свершений, творившихся преимущественно в тиши кабинетов и покоях библиотек, когда под шелест листов старинных фолиантов как бы в награду за подвижнические труды или же в результате мгновенных озарений перед пронизательными взорами ученых открывались неведомые дали, разгадывались вековые тайны и прояснялось течение забытых событий. Но не только с письменными памятниками связана работа филолога и ираниста-языковеда, как и язык — не просто «средство общения», а прежде всего «работа духа» (Вильгельм фон Гумбольдт), «Духъ идѣже хоцеть, дышетъ...» (Иоанн III. 8).

Иранистам был знаком и свежий ветер высокогорий, и удушающий зной пустынь, изведали они и рискованные переходы по нависающим над пропастями карнизам, с которых срывались нагруженные экспедиционными материалами лошади¹. Приходилось иранистам идти первопроходцами по непройденным путям².

Но есть в нашей науке два примера исключительных подвигов, когда ради достижения поставленной цели иранисты не только рисковали жизнью, но и, принимая на себя выполнение чужих обязанностей, отказывались от своего привычного облика, соглашались, ради науки, не быть собой.

Первый пример — это Анкетиль дю Перрон (1731—1805), завербовавшийся солдатом в полк Ост-Индской компании, чтобы до-

браться до Индии, проникнуть в общину парсов и привезти в Европу открытую им Авесту. Лишь спустя два десятилетия после того, как он скончался в нищете и безвестности на холодном и голодном парижском чердаке, его перевод был признан и одобрен ученым миром.

Второй — Александр Леонович Грюнберг, нанявшийся переводчиком к геологам, чтобы попасть в недоступные горные области Афганистана и записать неизвестные языки. Он опубликовал 6 (шесть!) грамматических описаний языков, основанных на собранных им редкостных материалах, — случай в индоевропеистике нашего века уникальный. И он тоже не был по достоинству оценен теми, кто считает, что запись бесписьменного языка или диалекта — это просто поставка материала, подсобная работёнка, нечто вспомогательное для чьих-то высокотеретических штудий, которые будто бы и являются подлинной наукой...

Пусть меня упрекнут в том, что сравнение А. Л. Грюнберга с А. дю Перроном — преувеличение. Действительно, нельзя полностью поставить знак равенства между солдатской службой и обязанностями переводчика, текстом Авесты и записями современных языков и диалектов. Напомню, однако, что и переводчика воспринимали обычно как обслуживающий персонал, предназначенный таскать портфель за каким-нибудь чиновным хамом, который, не владея ни одним языком кроме партмата, помещал переводчика где-то между шофером и официантом. Что же касается текстов, то для некоторых языков Афганистана, о судьбе которых нам сейчас мало что известно, его записи остались единственным источником информации, то есть может быть, по сути дела, фиксацией умершего наречия. За последние десятилетия в Афганистане перебивали, наверно, сотни переводчиков, но никто не сделал того, что совершил А. Л. Грюнберг, причем в свободное от «основной работы» время.

С Александром Леоновичем меня связывает более четверти века дружбы и совместной работы в прямом смысле этого слова (не просто — соавторства). Мы вместе ездили в экспедиции, жили под одной крышей, число наших общих публикаций превышает два десятка (в том числе довольно объемистые монографии). Никогда и ни с кем, вероятно, не смогу я больше обсуждать то, что было предметом наших почти ежедневных разговоров, а порой и нещадных споров. Так и осталось нерешенным, какие же кавычки — «марровские» (‘), двойные (") или «елочки» («») — надо поставить в каком-то переводе. И всё же, несмотря на многолетнее тесное сотрудничество, я совсем не опасаясь, что мне, как посетовал когда-то В. В. Бартольд в некрологе своему другу П. М. Мелиоранскому, «пришлось бы неизбежно говорить о самом себе...» (*Бартольд В. В. Собр. соч. М., 1977. Т. 9. С. 588*). Александр Леонович — необыкновенно яркая личность — успел сделать поразительно много: из шести упомянутых грамматических описаний индоевропейских языков — три (глангали, кати и мунджанский) впервые описаны им! А сколько было еще разных планов — новые тома в серии «Языки Восточного Гиндукуша», шугнанская и белуджские грамматики, словарь кати, ваханская азбука...

В пятницу, 3 марта 1995 г., в годовщину кончины великого Георга Моргенштерне (1892—1978), в квартире на Петроградской будильник звонил утром напрасно. Александра Леоновича уже нельзя было разбудить, лекции в Университете не состоялись. Так неожиданно и безвременно оборвалась жизнь человека, благодаря трудам которого индоевропеистика обогатилась бесценными сведениями о языках, известных ранее лишь по своим названиям.

Родился Александр Леонович 1 марта 1930 г. в Ленинграде в семье потомственной дворянки сербского происхождения Нины Алексеевны Цветинович (отец ее, Алексей Дмитриевич, был двоюродным братом известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского³) и выходца из местечка Улла на севере Белоруссии (между Полоцком и Витебском) — Леона Борисовича Грюнберга (по семейным преданиям, первоначально возможно Горенбурга).

Леон Борисович (25.1.1883—25.2.1938) смолоду участвовал в революционном движении, эмигрировал, странствовал по Европе (Франция, Германия, Швейцария) и вернулся в Россию после февральской революции. За границей ему удалось получить образование, он хорошо знал европейские языки. В Красной Армии Л. Б. Грюнберг служил в армейском политпросвете, а впоследствии — по культурным и литературным ведомствам, редактором издательства «Прибой», начальником театрального отделения Петрограда⁴, заведовал обллитом, занимался литературным трудом, в 30-х гг. возглавил секцию переводчиков Союза писателей.

По воспоминаниям старшего сына, Алексея, отец был убежденным коммунистом, на день рождения подарил ему книгу «Сталин о Ленине»⁵. Уже в 70-е гг. младший, Александр, говорил мне, каких мук стоило ему понимание сущности сталинизма.

Л. Б. Грюнберг состоял архивариусом Наркоминдела, был вызван в Москву, на обратном пути в поезде простудился, тяжело заболел и 25-го февраля 1938 г. скончался от двустороннего крупозного воспаления легких в возрасте 55 лет. Старшему сыну мать потом рассказывала, как через несколько дней после похорон за отцом ночью пришли. «Старший группы был очень удивлен сообщением о его смерти, ознакомился со свидетельством о ней, сказал: „Ну что ж, вам повезло“, — и „гости“ удалились»⁶.

На самом деле так ли уж «повезло» Нине Алексеевне, оставшейся одной (родители и близкие родные давно эмигрировали, и следы их затерялись) с двумя мальчиками (8 и 12 лет), — неизвестно, но бесспорным подтверждением того, что партработник Леон Грюнберг, несмотря на фатальный год своей кончины, не разделял участи жертв «большого террора», является посвящение на выпущенном Н. А. Цветинович в 1939 г. сборнике переводов турецких сказок: «Светлой памяти безвременно погибшего друга, мужа моего Леона Борисовича Грюнберга, неизменно помогавшего и руководившего всеми моими работами, посвящается мой первый большой труд»⁷. После смерти мужа, в силу сложившихся обстоятельств, книга эта осталась единственным большим трудом Нины Алексеевны.

Н. А. Цветинович (4.2.1895—23.7.1978) была гораздо младше мужа, но побывала уже на фронте сестрой милосердия. Повстречались они, когда Л. Б. Грюнберга, как это тогда практиковалось, «подселили» в их большую квартиру, «уплотнив» буржуйскую семью (глава ее, А. Д. Цветинович, был адвокатом). У молодой Нины Алексеевны вились по спине две густые черные косы, перед которыми не смог устоять, несмотря на весь свой европейский опыт, просвещенный комиссар. Позже, когда родители с братьями и сестрами разъехались в эмиграцию, молодые переехали в коммуналку в конце 3-й линии Васильевского острова, где и прошли детские и юношеские годы Александра Леоновича.

До рождения сыновей Нина Алексеевна успела окончить турецкое отделение существовавшего в то время Института живых восточных языков, занялась переводами с турецкого, сербского, чешского, болгарского. Цитированный сборник её переводов турецких сказок вышел под редакцией видного тюрколога, члена-корреспондента Академии наук Н. К. Дмитриева (1898—1954), который высоко ценил знания и дарования Нины Алексеевны и старался ей помочь все последние годы.

Воспитывавшая двух мальчиков, Нина Алексеевна вынуждена была зарабатывать поденным литературным трудом. Она подрабатывала редактором в издательствах, в эвакуации служила корректором в газете «Краснокамский рабочий», после войны недолго преподавала на воссозданном Восточном факультете. В основном она зарабатывала переводами с самых разных языков, стала членом Союза писателей по секции переводчиков, но крупных изданий уже не затевала. Ее сборник турецких сказок, «отличающийся, — как говорится в предисловии от издательства, — тщательностью подготовки и продуманностью принципов перевода», стал образцовым для серии «Сказки и мифы народов Востока», в которой вышли потом и две книги Александра Леоновича [31, 43] *.

Военное и послевоенное детство Александра было скудным и полуголодным, матери приходилось на всём экономить. Старший сын, Алексей, после войны в Ленинград не вернулся, жил на Украине, в Калининграде, Самаре. Окончив школу с золотой медалью, Александр, видимо по совету друзей и знакомых матери, поступил в 1947 г. на кафедру иранской филологии Восточного факультета. Почему не на тюркскую? Сам он объяснял этот выбор в разное время по-разному. С одной стороны, традиции нашей университетской иранистики казались более прочными, с другой — тюркологи, как занимающиеся более поздними пришельцами на культурно-историческую арену, испытывают перед иранистами некоторый комплекс (разумеется, отнюдь не «неполноценности», а, так сказать, излишней «злободневности»). Короче говоря, это была судьба.

Уже в студенческие годы Александр Грюнберг обратил на себя внимание профессоров и преподавателей своими необыкновенными языковыми способностями и прирожденным талантом к научной работе. Выделяться же ему было среди кого. Исключителен состав группы, в

* Здесь и далее см.: Список опубликованных работ А. Л. Грюнберга.

которой учился А. Л., и весь выпуск 1952 г.: из пяти выпускников четверо стали докторами наук (Гульрух Сабировна Алибекова, Руслан Лазаревич Цаболов⁸, Юсиф Юсифов⁹ и сам А. Л.), а пятая, Нина Петровна Рычкова, защитила кандидатскую диссертацию по таджикской литературе в 1955 г.¹⁰ Этот период в истории кафедры иранской филологии можно без преувеличения назвать «звездным» — многие из тех, кто учились на кафедре одним-двумя годами ранее, стали известными учеными-иранистами: доктора наук Рустам Алиев (1929—1995), Магомет Измайлович Исаев, Маргарита (Сэда) Борисовна Руденко (1928—1977)¹¹, Татьяна Николаевна Пахалина (1928—1995), Владимир Васильевич Кушев, Наталия Николаевна Туманович, Лидия Петровна Сечкина, кандидаты наук Галина Павловна Михалевич, Фаня Давыдовна Люшкевич и Лидия Павловна Смирнова (1927—1992). Курсом младше учились такие известные иранисты и талантливейшие люди, как Олег Федорович Акимушкин, Юрий Ефимович Борщевский (1924—1984)¹², Сергей Николаевич Соколов (1923—1985), Петр Афанасьевич Грязневич¹³, Владимир Александрович Капранов, Лариса Николаевна и Владимир Павлович (1930—1987) Демидчики, Анатолий Алексеевич Иванов — со всеми ними и многими другими однокашниками по факультету Александра Леоновича связывали крепкая дружба, совместные летние путешествия на байдарках и вообще близкие отношения.

Учителями Александра Леоновича в те годы были наши выдающиеся иранисты член-корреспондент А. А. Фрейман, профессора А. Н. Болдырев, М. Н. Боголюбов, А. Т. Тагирджанов, И. П. Петрушевский, А. З. Розенфельд, доцент Л. Т. Гюзальян. Вспоминал он об их лекциях и занятиях позже пусть и с некоторой иронической, с высоты собственного педагогического опыта, критикой, но всегда с неизменной благодарностью. наших учителей действительно нельзя было упрекнуть ни в недобросовестном исполнении своих обязанностей, ни в равнодушии к своим питомцам.

Обычная работа по «Гулистану» Саади (текст по литографии, транскрипция и перевод с комментариями и определением метрики стихов), выполненная А. Л. Грюнбергом на 2-м курсе, столь безупречна (красивый почерк, безошибочная транскрипция и точный литературный перевод), что до сих пор, спустя более полувека, служит на кафедре эталонной. Литературный дар А. Л. проявился и позднее — в переводах стихов и прозы, редакторской работе, путевых дневниках. Посещал он и занятия турецким языком на кафедре тюркской филологии, что впоследствии очень пригодилось.

В 1952 г., после окончания Университета, сразу попасть на работу по специальности не удалось. Некоторое время А. Л. преподавал немецкий язык, подрабатывал переводами [1]. Осенью 1953 г. А. Л. поступил в аспирантуру Института языкознания, научным руководителем его стал крупнейший иранист, языковед и этнограф Иван Иванович Зарубин (1887—1964)¹⁴. А. Л. впоследствии вспоминал, что он был его последним учеником и, кажется из числа последних, единственным учеником мужского пола, потому что в то время Ивану Ивановичу доставалось руководить почему-то только представительницами преимущественно прекрасной половины, которых он часто доводил своим

желчным с ними обращением до слез. По рассказам А. Л., Иван Иванович в те годы проводил время за чтением книг своей богатейшей библиотеки и пьет «Цинандали». Окружающая жизнь, уродством которой он был давно травмирован, интересовала его мало. Он, должно быть, чудом уцелел, оставшись после февральской революции на Западном Памире представителем Временного правительства. За него якобы заступился возглавлявший какой-то отдел в Туркестанской ЧК А. В. Станишевский (Азиз Ниалло), поручившийся за Зарубина, сидевшего при царе в тюрьме (за участие в студенческих беспорядках). «Ни в коем случае не трогать!» — так велел Станишевский, по его собственным словам, кому следовало. И. И. Зарубин, как впрочем и все нормальные советские люди в то время, остерегался иностранцев, в его архиве (в «Архиве востоковедов» в СПбФ Института востоковедения РАН) хранятся письма зарубежных коллег, в том числе письма Георга Моргенштиерне. Норвежский ученый умоляет Зарубина откликнуться, сообщить, жив ли он. Иван Иванович показывал А. Л. иноземную корреспонденцию, язвительно замечая: «Они мне всё пишут и пишут, но я НИКОГДА не отвечаю...» Да и зачем было отвечать, разве что обвинят в шпионаже в пользу Мунджана?

Были у Зарубина и веские основания избегать участия в гремящих тогда дискуссиях. Поначалу он не был чужд историческому языкознанию и снабдил свой очерк о мунджанском языке этимологическими комментариями (К характеристике мунджанского языка // Иран. Т. 1. Л., 1927. С. 135 и сл.), которые Моргенштиерне подверг доброжелательной критике (NTS. Vol. III. 1929. P. 296—298). Есть у И. И. Зарубина и работа о языке бурушаски в связи с «учением» академика Н. Я. Марра, возглавлявшего на этот загадочный язык большие надежды в плане подтверждения своих гипотез. После сталинского разоблачения «нового учения» и восстановления в правах сравнительно-исторического метода, И. И. Зарубин, по-видимому, просто демонстративно отвергал любой историзм в подходе к языку. Всех своих учениц он настаивал заниматься исключительно современностью, а этимологию всячески высмеивал. Достоверно известно, что Сергей Николаевич Соколов, еще будучи студентом, написал в качестве дипломной работы очерк белуджского языка, основанный на зарубинских текстах и включавший и историческую грамматику. Иван Иванович, руководитель дипломанта, одобрил первую, синхронную часть¹⁵, а вторую, историческую, со словами: «А эту белберду можно выбросить» — на глазах у изумленного пятикурсника бросил в печь (в те далекие времена в питерских квартирах еще топилась печи).

В результате такого отношения у выучениц «зарубинской» школы сложился односторонний синхронный подход к изучению языков, исключавший и этимологию, и этнографию, для некоторых из них, как показало дальнейшее развитие нашей науки, оказавшийся непреодолимым. Наоборот, А. А. Фрейман и его ученики были склонны придавать большее значение диахронии, ценили данные мертвых языков, а на занятиях современными диалектами и говорами смотрели как на девческие забавы, тем более что среди аспирантов А. А. Фреймана преобладали молодые люди — М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, а

Александр Леонович Грюнберг и Марьяна Михайловна Чумандрина (первая жена)

И. И. Зарубина окружали дамы — А. З. Розенфельд, В. С. Соколова, В. С. Расторгуева, Т. Н. Пахалина. Став уже зрелыми, самостоятельными исследователями, некоторые из них осознали всю уязвимость такого искусственного разделения (И. М. Оранский обратился к таджикской диалектологии, а В. С. Соколова вверглась в сравнительно-исторические пучины), но наверстать упущенное было уже не так легко.

Александр Леонович, постоянно возвращавшийся в наших разговорах к этой теме, хорошо сознавал недостатки своего образования в историческом плане. Он настаивал на необходимости гармоничного сочетания трех компонентов при изучении бесписьменных иранских языков: синхронии, этнографии и диахронии, но этот тройственный подход выработался не сразу, а после длительного опыта полевой работы.

Началось же с многомесячных поездок в Азербайджан для изучения татского языка, среди татов А. Л. Грюнберг провел август—ноябрь 1954 г. и июнь—декабрь 1955 г. В то время еврейско-татский как один из литературных языков Дагестана имел письменность, на нем издавались книги и периодика, а диалект татов-мусульман в Азербайджане (к которому близок диалект татов-христиан) оставался бесписьменным, о нем имелись, как писал А. Л., «лишь отрывочные сведения» [13, с. 3]. Для исследования были выбраны говоры североазербайджанских татов-мусульман. Во время пребывания среди татов А. Л. записал

большое количество текстов, составил на их основе грамматический очерк и обширный словарь. Все это позже, в начале 1963 г., было защищено в качестве кандидатской диссертации и издано в виде отдельной монографии [13], кроме словаря, который так и остался в рукописи. Был написан тогда и ряд статей, в том числе такая основополагающая статья, как «О месте татского среди иранских языков». В ней А. Л. сделал вывод, что татский язык «...следовало бы рассматривать... в качестве персидского диалекта...» [6, с. 114].

Это был первый самостоятельный опыт полевой работы; А. Л. добросовестно записывал тексты, провел и экспериментальное обследование фонетики, но в целом, как говорил позднее, татские штудии его не удовлетворили — язык был слишком близок персидскому, а потому малоинтересен. Он был сильно тюркизован, А. Л., кстати, овладел и азербайджанским языком, неплохо на нем изъяснялся, а о взаимоотношениях иранских и тюркских написал статью — «К вопросу о языковом взаимодействии» [7]. Быт татов был сильно модернизован, не вызвали у А. Л. симпатии и азербайджанские нравы. Его влекло что-то более «дикое» и недоступное. Такая возможность представилась вдруг летом 1958 г.

В 1958 г. по инициативе великого энтузиаста поисков реликтовых гуманоидов Б. Ф. Поршнева была снаряжена экспедиция на Памир для поисков «снежного человека» под эгидой Академии наук.

Начальником экспедиции назначили известного географа, путешественника и писателя К. В. Станюковича, а руководительницей фольклорно-диалектологического, или этнографического, отряда этой экспедиции (названной «Комплексной Памирской») стала Анна Зиновьевна Розенфельд, неутомимая исследовательница горных таджиков, преподававшая на Восточном факультете, хорошо знавшая и ценившая способности А. Л. Грюнберга еще по годам его учебы в Университете. Анна Зиновьевна предложила А. Л. срочно выучить киргизский язык (ведь один тюркский он уже знал), чтобы порасспрашивать киргизов на Восточном Памире, где шансы встретить загадочного примата, по мнению энтузиастов проблемы, были особенно велики. А. Л. принялся было за киргизский, но был внезапно призван на очередные военные сборы, где вместо заучивания киргизских парадигм пришлось прыгать с парашютом¹⁶.

Освоить киргизский так и не удалось, но в экспедицию за «снежным человеком» А. Л. попасть успел. С киргизами, как он рассказывал, общались по-русски, а с населяющими долины Западного Памира памирцами — по-таджикски или по-персидски (что в применении к поискам «снежного человека» одно и то же). Большинство участников экспедиции относительно перспектив обнаружения гуманоида были заранее настроены скептически. Они использовали представившиеся возможности для изучения Памира и достигли в этом, как известно, больших успехов, вызывая постоянное недовольство Б. Ф. Поршнева: вместо того чтобы ловить «снежного человека», собирали гербарии, проводили орнитологические наблюдения и т. д., о чем подробно повествуется в обширной литературе, посвященной этой знаменитой экспедиции.

В отличие от своей учительницы, А. Л., как он сам говорил, не считал заранее, что все рассказы о «снежном человеке» — полная чушь. Он добросовестно расспрашивал старожилов обо всех случаях встреч со всякой нечистой силой. Узнав же, что в одном из дальних селений хранится у кого-то «ноготь снежного человека»¹⁷, А. Л. с одной столь же романтически настроенной спутницей покинул начальницу и поспешил за пресловутым ногтем. Анна Зиновьевна ужасно возмутилась, но потом, разумеется, простила доверчивого ученика, и оба они часто со смехом вспоминали об этом приключении. А. Л., впрочем, никогда не исключал возможности, что какое-то человекоподобное существо могло скрываться в неприступных кручах, он сам позже видел в снегу на склонах Южного Гиндукуша обезьян, забравших из Индии. На тот момент этнографический отряд со всей непреложностью установил, что надежных очевидцев, воочию видевших «снежного человека», на Памире нет. Все передавали сведения со слов отсутствующих свидетелей: «Покойный брат умершей жены рассказывал, что наша ослепшая бабушка...» — и т. п., как об этом написала А. З. Розенфельд в статье «В связи с легендой о снежном человеке» (Советская этнография. 1959. № 4. С. 55—66), упоминающей и об участии в работе отряда А. Л. Грюнберга.

До тех пор Александру Леоновичу приходилось видеть только захудалые гребни Кавказа, и он был совершенно поражен и сиянием белоснежных памирских гигантов, и безжизненными плоскогорьями Восточного, и утопающими в зелени селениями Западного Памира. Но увидеть незабываемые памирские вершины пришлось лишь через пять лет и по ту сторону государственной границы и водораздельных хребтов, отделяющих притоки Пянджа от бассейна Инда.

Пока же, вернувшись с Памира, полный сил и самых смелых планов, достаточно опытный полевой исследователь отправился на иранскую границу в Туркмению. Об организации какой-либо экспедиции в Иран или в Афганистан, где прозябали в безвестности десятки языков и диалектов, известных разве что по названиям, разумеется, можно было лишь мечтать. А по нашу, бывшую российскую, а тогда еще советскую, сторону афгано-иранской границы предполагалось найти если и не целые компактные группы подлежащих этнолингвистическому обследованию носителей иранских языков и диалектов, то по крайней мере отдельные семьи переселенцев-эмигрантов из Афганистана и Ирана.

По дороге А. Л. заехал ненадолго к уже, как он вспоминал, поднадоевшим ему татам, где на протяжении месяца изучал говор сел. Халтан Конахкентского района, вносил дополнения в составленный ранее словарь к татским текстам. Затем из Баку пересек Каспийское море и прибыл в Туркмению. Эта поездка, по воспоминаниям А. Л., была особенно утомительной. С целью экспериментально-фонетических исследований приходилось таскать с собой тяжеленную по тем временам аппаратуру, которая к тому же в азиатской жаре неизменно отказывала. Огромный архив магнитофонных записей, сделанных А. Л. Грюнбергом в его бесчисленных экспедициях, сохранился,

но уже давно нуждается в перезаписи на более современной технике — в противном случае эти бесценные материалы погибнут безвозвратно.

В Туркмении были обследованы районы Серахса и Кушки, найдены представители ираноязычных племен теймури и джемшидов, уточнены места расселения белуджей и курдов. Обнаружив в Серахсе довольно многочисленную колонию переселенцев из Систана, А. Л. решил заняться их своеобразным персидским диалектом, тем более что среди них нашелся замечательный сказитель. Летом 1959 и 1960 гг. А. Л., опять нагружившись громоздкими агрегатами для записи речи и тяжеленными батареями к ним, приезжал в Серахс.

Результатом этих посещений серахсских систанцев стала статья о диалекте [14] и несколько десятков больших круглых бобин с записями сказок, легенд и песен систанского фольклора, настолько примечательными, что, несмотря на все афганские впечатления, А. Л. непрестанно мечтал к ним вернуться и подготовить к изданию. Сделать это удалось спустя 15 лет. А. Л. вообще любил возвращаться к прежним начинаниям, старался сохранять все записи и заготовки (что в переездах с квартиры на квартиру нелегко), он повторял часто, что никакая работа не пропадает, со временем все пригождается, и делом доказывал, что он в этом утверждении, несомненно, прав. Так, спустя 25 лет, вернулся он и к туркменским белуджам.

В туркменских пустынях мечта о снежных пиках и неведомых языках в заброшенных ущельях за непроходимыми перевалами не покидала Александра Леонovichа и неожиданно стала реальностью. Благодаря какому-то неизъяснимому стечению обстоятельств, ему, беспартийцу, с подозрительной двойной фамилией, удалось попасть переводчиком к геологам, проводившим по заданию Министерства горных дел и промышленности Афганистана изыскательские работы в самых настоящих горах. Судьба на этот раз оказалась благосклонной к тому, кто слишком этого желал.

В Афганистане А. Л. собирался заняться в первую очередь восточноиранскими языками — памирскими и мунджанским, известным по скудным материалам, но попал в область распространения других индоиранских языков — кафирских, или нуристанских, составляющих, по мнению некоторых, особую группу, промежуточную между иранскими (ираноарийскими) и индоарийскими.

Первые шаги переводчика в незнакомой стране были нелегки. «Тарджуман-сахиб» ('господин переводчик') Александр Грюнберг испытал сперва некоторые трудности, ведь на кафедре иранской филологии Восточного факультета всегда обращалось внимание не на технику синхронного перевода и глупейшую сиюминутную лексику (в отличие от московских учебных заведений, издающих даже учебники «языка» дари), а на классический персидский, на «Гулистан» и «Шахнаме». Диалектами Тегерана, Душанбе, Кабула и Рашны нашим выпускникам полагается овладеть уже на месте в течение двух-трех недель.

Когда ломалась какая-нибудь деталь машины, то все попытки перевести ее название на кабульский жаргон с целью показать соответствующую запчасть заканчивались тем, что негодную железяку приходилось тащить к афганским сотрудникам с вопросом: «Вы это как на-

зываете?» В ответ же (привожу в упрощенной передаче) слышалось: «Мо и-ра галуфка блук мигуйим»¹⁸, — и все прояснялось.

Со временем А. Л. Грюнберг стал, по отзывам многих, лучшим нашим переводчиком тех лет в Кабуле, его привлекали потом для самых ответственных переговоров, а соперничали с ним лишь В. В. Кушев и другой воспитанник нашей кафедры, ныне тоже, увы, покойный Алексей Михалёв (ум. 1995). Но А. Л., кроме дари, владел еще и пашто, да и влекли его не паркеты и фуршеты дипломатических встреч и правительственных приемов, а теснины Восточного Гиндукуша.

Перечислять все маршруты, пройденные А. Л. Грюнбергом в составе геологических партий по Нуристану и Афганскому Бадахшану, нет необходимости, так как он сам их описал и составил подробные карты [20, 21, 22, 24, 39, 40, 42, 63]. Стоит лишь напомнить отдельные обстоятельства, которые, в силу разных причин, не были упомянуты им самим и потому могут забыться.

В некоторых местностях А. Л. Грюнберг оказался первым из европейцев, во всяком случае, первым лингвистом или вторым после англичанина Джорджа Робертсона, которому одному удалось побывать у язычников-кафиров до завоевания страны афганцами и насильственного обращения населения в ислам, после чего и было прежнее название «Кафиристан», т. е. 'страна неверных', заменено на бессмысленное «Нуристан» — 'страна света' (подразумевается «свет» ислама).

Попав в Нуристан, А. Л. без боязни, используя свои способности к языкам, принялся за эти, чрезвычайно сложные и сильно отличные от иранских, незнакомые наречия. С геологами у А. Л. установились самые дружественные отношения, он часто вспоминал о многокилометровых переходах по высокогорным кручам. Он отправлялся с геологами в маршруты, собирал образцы, мыл породу и вообще выполнял не только свои переводческие обязанности. Пришлось и петь под гитару, что в молодости А. Л. делал охотно. Зато и начальники партий шли навстречу просьбам симпатичного переводчика — нанимали именно тех рабочих, носильщиков, которых он рекомендовал (они же, в силу своей языковой принадлежности, служили ему информаторами), не препятствовали его занятиям, что в тогдашних условиях было немаловажно. Но если в поле всё складывалось относительно благоприятно, то этого нельзя было сказать о периодах вынужденного пребывания в Кабуле. В атмосфере подозрительности и доносительства, царившей в коллективе советских специалистов и в посольстве, характерной для большинства советских зарубежных миссий, члены которых смотрели на свое временное пребывание за границей как на один из немногих предоставляемых властями способов обогащения, жить было тошно. Надо было демонстрировать свою лояльность режиму и благодарность родине — особенно беспартийному интеллигенту с полуеврейской фамилией, и А. Л. рассказывал мне потом об анекдотической тупости сановных дипломатов, а в моменты откровенности — и о практиковавшихся вербовках, подсидаках и иных провокациях. К счастью, большую часть времени он проводил не в Кабуле, а в поле, точнее — в любимых горах.

В течение полевых сезонов 1963 и 1964 гг. А. Л. имел возможность изучать все кафирские языки — кати, вамаи, прасун и вайгали, а

из дардских — земиаки и глангали. В сезоны 1965—1967 гг. в составе геологических партий А. Л. работал в Афганском Бадахшане и собрал материалы по ваханскому, мунджанскому, шугнанскому и санглическому языкам. Весной и осенью 1968 г. он сумел наладить сбор информации по языку кати в Кабуле, что было невероятно трудно: поиски информаторов и необходимость им платить (из собственного кармана конечно), подозрительность и советского начальства, и афганских властей — всё это страшно усложняло работу, недаром же, как уже было сказано, десятки, а может быть и сотни переводчиков (включая «природных ориенталистов»¹⁹) перебывали в Афганистане и до и после советской оккупации, но новых языков не записал никто.

В полевых условиях все было гораздо проще, хотя заниматься приходилось и утром, и по вечерам, после тяжелого маршрута, невзирая на усталость. В дневнике А. Л. читаем: «...утром, после того как геологи расходились на маршруты, а обед было еще рано готовить, он (мунджанец Хоки, нанятый помощником повара. — *И. С.-К.*) приходил ко мне в палатку, и я учился у него мунджанскому языку...» [63, с. 150—151]. И далее о трудностях горных переходов: «...Опять трогаемся в путь... Во рту пересохло, горький вкус. Ноги болят и отказываются идти. Я отстаю. Карим уступает мне лошадь, и некоторое время я еду верхом. Ноги отдыхают, но хочется пить, а воды нет. Через полчаса я опять уступаю лошадь Кариму. У него вид совершенно измученный, он даже не может говорить...» [63, с. 161]. Тогда А. Л. Грюнберг на свой страх и риск предпринял путешествие в Мунджан, пройдя по пути, по которому с 1924 г. после Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича не проходил ни один европейский ученый. Записывая у Хоки рассказы о Мунджане, А. Л. хотел увидеть его своими глазами, и это, наконец, сбылось...

Задание добыть, во что бы то ни стало, мунджанские материалы дала А. Л. Грюнбергу его, после кончины И. И. Зарубина, руководительница и непосредственная начальница Валентина Степановна Соколова (24.02.1916—07.09.1993). Преданная ученица И. И. Зарубина, она успешно, став самым молодым доктором среди иранистов, занималась синхронной фонетикой, публиковала памирские тексты, записывавшиеся преимущественно в Сталинабаде, потом обратилась к сравнительно-историческому языкознанию. Завершив книгу о генетических связях язгулянского языка и шугнано-рушанской группы (в тесном родстве которых сомнений и не было), В. С. Соколова вознамерилась приложить к своим выкладкам еще и мунджанские материалы. В успехе язгулямо-шугнано-мунджанских реконструкций В. С. ничуть не сомневалась уже хотя бы потому, что впервые ввела бы в научный оборот достоверные мунджанские материалы, доставленные А. Л. Грюнбергом. По ее просьбе, как послушный и исполнительный ученик, А. Л. передавал В. С. Соколовой все записанные мунджанские тексты «сразу по мере их записи»²⁰.

Возникла парадоксальная ситуация — А. Л. в поте лица добывал мунджанские материалы и пересылал их В. С. Соколовой, а она из этих еще необработанных и даже толком не переведенных текстов выживала подходящую для ее сугубо историко-этимологических «целей»

информацию. Порочность такой методики в полной мере стала ясна по возвращении А. Л. из Афганистана в 1968 г. Большой нервотрепки стоило ему доказать Валентине Степановне и институтскому начальству, что публикация мунджанских материалов должна начинаться с синхронного описания языка, текстов и словаря, а не с избирательных исторических умозаключений, да еще и опирающихся на первоначальные, не прошедшие окончательной проверки записи. А. Л. Грюнберг доказывал, что неизвестный бесписьменный язык нельзя изучать ради каких-то «разных целей», например, фиксировать только слова, занятые с точки зрения этимологии (как это делали предшествующие исследователи, в том числе и Георг Моргенстиерне). Ошибки будут неизбежны. При изучении бесписьменного языка основой для всех последующих этапов должен явиться обширный корпус текстов в фонологической записи. Будучи сам по себе, в сущности, результатом, только текст и служит основой для всех последующих как синхронных, так и диахронических исследований. Текст имеет абсолютную ценность. Исходя из текстов, можно подвергать проверке выводы самого фиксатора относительно фонетической и морфологической структуры описываемого языка или диалекта. Только тексты и могут подвергаться разнообразным типологическим и сравнительно-историческим штудиям. Поэтому в публикациях А. Л. Грюнберга тексты занимают почетное первое место, а «исследования» помещаются в конце работы (Вопросы языкознания. 1974. № 3. С. 1506).

Тогда же было сформулировано и первостепенное значение текстов на этнографические и бытовые темы для более полной фиксации языковых данных, и именно с этой целью совершена поездка в Мунджан.

Вернемся к дневнику А. Л.: «Мунджан сверху так неопишимо прекрасен, что никак не верится, что эти нищие и больные люди, которых мы видели на руднике и которые нас сопровождают, живут здесь. Кажется, и жизнь должна быть здесь фантастически прекрасной...» [63, с. 162]. В этих заметках литературное дарование А. Л. проявилось в полной мере: «...Солнце только появляется из-за гор, запирающих сверху ущелье Сари-Санг. Лучи его уже видны, и верх скал на противоположном берегу светится розовым светом. Я сижу в маленьком садике возле дома. Журчит вода в ручейке. Прохладно. Мне грустно: ведь завтра я ухожу отсюда навсегда» [63, с. 169].

Вскоре после возвращения из Афганистана А. Л. пережил страшную личную трагедию — в августе 1968 г. внезапно умирает горячо любимая жена. Он сумел преодолеть отчаяние, в кратчайшие сроки подготовил к печати книгу о мунджанском языке — первую в серии «Языки Восточного Гиндукуша» [22]. Книга посвящена «Светлой памяти Марианны» (она была филологом-русистом).

Именно в этом, тяжелейшем для А. Л. году и началось наше с ним сотрудничество — работа над второй книгой серии — «Ваханский язык», многократно переделывавшейся и увидевшей свет лишь в 1976 г., после поездки в Вахан и добавления новых материалов, записывавшихся совместно. Мунджанские разыскания В. С. Соколовой вышли в 1973 г., А. Л. разрешено было напечатать к ним дополнение в «Приложении» [23]. В. С. в первой части «Приложения» сама попыта-

лась разъяснить «замеченные расхождения в фонологической записи между словарем Грюнберга и данной книгой» [23, с. 242]. К сожалению, наша критическая рецензия на «данную книгу», написанная тогда же, осталась неопубликованной. В то время печатать отрицательные рецензии в советских изданиях было принято только в «погромных» целях. Не удалось напечатать и нашу критическую рецензию о книге «Ваханский язык» Т. Н. Пахалиной²¹.

Ранней весной 1972 г. состоялась поездка в Вахан, приуроченная к празднованию Ноуруза, а вернувшись, А. Л. занялся подготовкой докторской диссертации, которую и защитил успешно в Ленинградском институте языкознания в декабре 1973 г. Оппонентами выступили М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц и И. М. Оранский, а внешний отзыв представил Отдел языков Института востоковедения в Москве.

Февраль 1975 г. мы провели в Серахсе, записывая систанский фольклор у незаурядного сказителя Исмаила Ярмамедова, давнего знакомого А. Л. по пребыванию в Туркмении в 60-е гг., несколько дней подряд без умолку наговаривавшего на магнитофон свои сказки. Домашние его, в течение многих лет предпочитавшие просиживать вечера у телевизора, искренне восторгались необыкновенным талантом старика. Младшие в семье даже и не подозревали, что их бабушка, как они потом единодушно утверждали, «в сто раз интереснее телевизора» (даже иранского — в те годы в Туркмении вдоль иранской границы с помощью специальных приспособлений ухитрялись ловить иранские программы, до исламской революции более разнообразные, чем в наши дни).

Многонациональное население Серахса — туркмены, персы, русские, немцы²² — жили тогда очень дружно: немцы чинили крыши, машины и телевизоры, туркмены пасли скот, готовили бешбармак и сидели в райкомах, персы возделывали землю, и все почитали местную святыню — большой мавзолеей Серахс-баба на городище Старого Серахса. Много тогда было съедено кур и индюшек, причем в одном из задранных гостов местный учитель сравнивал Александра Леонovichа с Миклухо-Маклаем, а своих односельчан с папуасами. А. Л. читал стихи, рассказывал об Афганистане, вызывая всеобщее восхищение своим неподражаемым произношением, и был, как всегда, «душою общества».

На обратном пути заехали в Йолотань к белуджам. А. Л. возобновил старые и завел новые знакомства, а в последние годы усиленно занимался белуджским языком и фольклором. Белуджеведение, развивающаяся отрасль иранистики, возродилось именно благодаря стараниям А. Л. Грюнберга.

Возвращались через Ташкент, где навестили Андрея Владимировича Станишевского (Азиза Ниалло), много рассказывавшего о своих приключениях на Памире в послереволюционные годы. В результате этой поездки появился сборник переводов систанских сказок и легенд и ряд статей [30, 33, 43, 45, 67].

Путешествовать и работать в поле с А. Л. было истинным удовольствием, он обладал даром располагать к себе самых нелюдимых собеседников и обычно просто «влюблял» в себя тех, с кем приходилось общаться. На Памире ему дали имя «Искандархон», на которое он охотно отзывался и действительно был неотразимым Искандаром.

С 1973 г., преподавая на Восточном факультете, А. Л. не только поставил на должный уровень изучение всех афгановедческих дисциплин и вообще, по сути дела, возродил петербургскую афганистику, но также внес совершенно особый стиль в отношения между Учителем и учениками. Студенты тянулись к нему, ходили домой за советами и книгами, выпускники приезжали издалека для бесед и наставлений. А. Л. был неповторимым мастером «кухонных» собеседований, приня-

Туркмения. Серахс. А. Л. Грюнберг. 1975 г.

тых у его поколения, когда именно «на кухнях» решались все проблемы окружающей жизни, в том числе, разумеется, и востоковедные.

Иногда А. Л. вслух говорил, что служит поставщиком новых материалов для кабинетных языковедов, но это было типичное, так сказать, «пачегордостное» самоуничижение. Во-первых, как уже было сказано, он лучше всех понимал, что текст, записанный на бесписьменном языке, — это самый что ни на есть результат исследования, причем гораздо более ценный, чем любые теоретические рассуждения: синхронные, типологические, сравнительные и т. п. От способностей и умения того, кто фиксирует текст, зависят все последующие этапы изучения.

Во-вторых, в созданных им описаниях языков А. Л. открыл так много нового, что высказанные им идеи, несомненно, еще долго будут влиять на развитие нашей науки. К числу наиболее блистательных следует отнести интерпретацию фонетических систем бесписьменных иранских языков, бытующих в условиях активного двуязычия, как систем гетерогенных, т. е. состоящих из двух или нескольких взаимодействующих подсистем — исконных и заимствованных слов. Высказанная впервые для мунджанского языка [22, с. 398], схема эта была потом блестяще подтверждена на ваханском материале [32, с. 547] и применена даже к письменному афганскому, подвергающемуся сильному влиянию персидского [53, с. 12]. Неоспоримым достижением является и открытие падежей в ваханском языке, и описание средств пространственной ориентации в языке кати. О предложенной А. Л. классификации имен в афганском языке В. В. Кушев в рецензии на эту книгу высказывается как об «идеальной» (*Кушев В. В. НАА. 1988. № 4. С. 197*).

А. Л. прекрасно понимал, в чем заключен его талант — в изумительной способности постигать **живую** языковую стихию. Он охотнее поэтом общался с носителями языка, чем с учебниками и грамматиками. Но это не был талант полиглота, которые, как правило, малоспособны к научному осмыслению языковой действительности и вообще к творчеству²³. Он быстро проникался сегодняшним состоянием языка, феноменально усваивая его строй и звучание, — то, что лингвистика делит на языковые уровни: фонетический, фонемный, морфемный и т. д., — но не для бездумного воспроизведения, как заурядные полиглоты, а для уяснения и систематизации. Напротив, исторические реконструкции занимали его мало, и для своих очерков по афганскому и мунджанскому языкам в «Основах иранского языкознания», где потребовались исторические экскурсы, он привлек Д. И. Эдельман [51] и меня [52]. Более того, он вообще издевался над народившейся среди столичных иранистов претенциозной модой во что бы то ни стало «украшать» описательные работы диахроническими изысками. А. Л. счел это следствием неправомерного отношения к чисто синхронным описаниям как к чему-то второразрядному. Как будто с цитатами из древних языков описание современного становилось значимее! От этого страдало как описательное, так и историческое исследование. «Упускался из виду тот очевидный факт, что историческое изучение будет тем полнее и глубже, чем полнее и глубже проведено синхронное описание языка. Для иранских же языков и диалектов, многие из которых описаны еще далеко не достаточно, либо вообще толком не описаны, углубленное внимание к синхронии особенно важно. Хорошо выполненное синхронное исследование гораздо ценнее, чем эклектическое соединение поверхностной описательности с тривиальными историческими параллелями. Нет никакой необходимости ни в том, чтобы исследователь объединял в одном лице и специалиста по синхронии, и по истории языка, ни в том, чтобы соединять эти разные аспекты исследования под одной обложкой...»²⁴

С 1987 г. А. Л. Грюнберг оказывал помощь Афганской Академии наук в создании новых письменностей для бесписьменных языков. Им были созданы проекты алфавитов для языков белуджского, кафир-

ских, памирских, пашаи — причем все на языке дари²⁵. В 1991—1992 г. А. Л. провел в Кабуле три месяца и покинул его незадолго до штурма города оппозиционными войсками. Всё, что произошло в этой несчастной стране, народ которой он полюбил после многих лет работы там, чрезвычайно его волновало. Приезжавшие и жившие у нас афганцы неизменно навещали его, он руководил их работой, оппонировал афганским диссертациям. Безуспешно пытался он как-то повлиять на советскую и российскую политику в Афганистане, писал письма, записки в разные инстанции, выступал, доказывал, убеждал [55, 60, 61...]. Как русскому интеллигенту, ему казалось, что наше востоковедение — это один из факторов русской культуры, способный влиять на принятие политических решений где-то там, наверху. Переведя еще на 2-м курсе в «Гулистане» мудрые слова Саади, что «править — не дело для разумных», он, как шестидесятник, всё же до конца жизни продолжал питать иллюзии относительно возможности исправить что-то своим активным вмешательством, наивно полагая, что сановников и чиновников может интересовать что-либо, кроме их постов и чинов. Свой гражданский темперамент он проявлял в появившихся в последние годы интервью в газетах, в выступлениях по радио и телевидению, писал о необходимости возрождения петербургской науки [65], ввязывался в бесплодные дискуссии по национальным вопросам [62, 64].

Особенно отвратительна была Александру Леоновичу любая халтура на столь любимом им иранистическом поприще. Беспощадно старался он уязвить «супротивников», не жалея для этого ни сил, ни времени: сочинял разгромные отзывы, писал рецензии и письма. Опубликована была лишь отрицательная рецензия на бездарный и совершенно непрофессионально изданный в Германии именитым «рассказоведом» Сидором Левиным сборник якобы памирских сказок [66]. Недобрительные отклики на книги и уничтожающие отзывы о докторских диссертациях Ираиды Смирновой, Исмоила Рахимова и других застряли в редакциях журналов, в издательствах, в ученых советах и бесподобном ВАКе.

А. Л. гордился уровнем петербургского востоковедения и делал всё, что в его силах, для поддержания высокой репутации нашей востоковедной школы. По его инициативе организовался Семинар петербургских афганистов, регулярно собирающийся на научные заседания.

В 1993 г., пережив сложнейшую операцию, А. Л. уехал на несколько месяцев в Германию, преподавал афганский язык в Гамбургском университете, где, как и на родине, его сразу же окружили заботой любящие студенты и почитатели. Лекции в Германии он читал, разумеется, по-немецки, как в Италии объяснялся по-итальянски, в Польше — по-польски, в Эстонии, где любил отдыхать летом, — по-эстонски. Собираясь навестить друзей и коллег в Англии и Франции, он, несомненно, легко заговорил бы по-английски и по-французски, — но, повторяю, совсем не потому, что был бес-смысленным полиглотом. Просто он не имел равных в овладении «духом» чужих языков, тем, что составляет сущность их «работы». Анализировать же эту «работу духа» было его истинным призванием, и иранистам необыкновенно повезло, что делал он это на арийском (индоиранском) материале. Вспо-

минаю об этих занятиях с ним, как о счастливейшем времени... К сожалению, в последние месяцы его жизни наше общение стало менее интенсивным — по моей вине. Деканские обязанности не позволяли чаще бывать в уютной квартире на Петроградской, где разгорались на кухне такие увлекательные дискуссии.

Замечу в заключение, что успехи как этнолингвистических исследований в поле, когда требовалось расположить к себе неподатливого информатора, так и научных выступлений и лекций в университете, да и вообще прелесть общения и бесед с Александром Леоновичем были обусловлены не только его исключительными интеллектуальными данными, но прямо-таки завораживающим тембром голоса и особыми обаятельными интонациями речи, так что слушать его, о чем бы и на каком бы языке он ни говорил, можно было без конца...

Три последние статьи А. Л. посвящены разбору кафирских записей из архива М. С. Андреева [72, 73, 74]. После А. Л. тоже остался ценнейший архив — магнитофонные ленты, которые пока еще хранят вместе с записями информаторов и его чудесный голос, ведь каждая начинается словами Александра Леоновича: такое-то число, такой-то месяц такого-то года; город, селение, летовка или просто местность такая-то; говорит такой-то... а далее идет уже то, что, если нет сделанной А. Л. тогда же письменной расшифровки, вряд ли будет когда-нибудь кому-либо понятно.

Прах Александра Леоновича Грюнберга покоится на кладбище в Комарово, но, кажется, это как раз тот случай, когда прав стих:

Баъд аз вафот турбати мо дар замин маҷуӣ,
Дар синаҳои мардуми ориф мазори мо-ст.
После смерти в земле не ищите мой прах,
Я покоюсь в меня полюбивших сердцах...

И. М. Стеблин-Каменский

Список опубликованных работ Александра Леоновича Грюнберга *

1954

1. [Перевод с таджикского] *Мирзоев А. М.* Сайиндо Насафи и его место в истории таджикской литературы / Пер. с тадж. под ред. А. Н. Болдырева. Сталинабад: «Таджикгосиздат», 1954. 208 с. [В предисловии «От редакции» указано, что перевод выполнен А. Л. Грюнбергом за исключением «Введения» и «Приложения», переведенных Ю. П. Верховским.]

1955

2. Ормури // БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 31. С. 2126. [Без подписи.]
3. Парачи // Там же. Т. 32. С. 826—83а. [Без подписи.]

* Составил И. М. Стеблин-Каменский.

1961

4. Дискуссия о морфологической структуре слова в языках различных типов (Ленинград, ноябрь—декабрь 1960 г.) // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1961. Т. 20. Вып. 5. С. 452—455.

5. [Рецензия] // Русский язык в национальной школе. 1961. Рец. на кн.: Азизов А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. [Б. м., б. г.]

6. О месте татского среди иранских языков // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 106—114.

7. К вопросу о языковом взаимодействии (На материале языка североазербайджанских татов) // Краткие сообщ. Ин-та народов Азии АН СССР. Т. 40. М., 1961. С. 11—23.

1962

8. Определительные конструкции в языке североазербайджанских татов // Науч. конф. по иранской филологии: Тез. докл. Л., 1962. С. 8—9.

9. Научная жизнь: Хроникальные заметки // Вопросы языкознания, 1962. № 4. С. 153—156. [О второй дискуссии, посвященной проблеме морфологической структуры слова.]

10. История изучения бесписьменных иранских языков // Очерки по истории изуч. иран. яз. М., 1962. С. 118—147 (совм. с В. С. Соколовой).

1963

11. Система глагола в татском языке // Иранский сб.: К семидесятипятилетию проф. И. И. Зарубина. М., 1963. С. 121—149.

12. Язык североазербайджанских татов: Автореф. ... дис. канд. фил. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1963. 20 с.

13. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963. 212 с., 1 л. вкл.: карта-схема распространения татского языка.

14. Сеистанский диалект в Серахе // Краткие сообщ. Ин-та народов Азии АН СССР. 67: Иранская филология. М., 1963. С. 76—86.

1966

15. Татский язык // Языки народов СССР. Т. 1: Индоевр. языки. М., 1966. С. 281—301.

1969

16. К изучению нуристанского фольклора // Иранская филология: Краткое излож. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969. С. 52—55.

1970

17. Новое о мунджанском языке // VI Всесоюз. науч. конф. по актуальным пробл. иран. филол.: Тез. докл.). Тбилиси, 1970. С. 43—44.

1971

18. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Ареальные исслед. в языкознании и этнографии: Тез. докл. и сообщ. Л., 1971. С. 54—55 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

19. К диалектологии дардских языков: (глангали и земиаки) // Индийская и иранская филол.: Вопр. диалектологии. М., 1971. С. 3—29.

20. Нуристан: Этнографические и лингвистические заметки // Страны и народы Востока. Вып. 10: Средняя и Центральная Азия. М., 1971. С. 264—287.

21. Опыт лингвистической карты Нуристана // Там же. С. 288—289 + вкл. [схема маршрутов автора].

1972

22. Языки Восточного Гиндукуша: Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972. 474 с., 5 л. ил., карта.

Рец.: Вопросы языкознания. 1974. № 3. С. 150—153 (И. М. Стеблин-Каменский); Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 191—193 (А. З. Розенфельд); Советская этнография. 1974. № 4. С. 182—183 (В. Н. Кисляков); Бадахшони Советӣ. 1973. 15 нояб. (Т. Бахтибеков); Archív Orientální. Vol. 43. 1975. P. 264 (P. V.).

1973

23. [Дополнение к № 22] Приложение II: Соколова В. С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973. С. 244—246.

24. Языки Восточного Гиндукуша: Исследования и материалы: Автореф. ... дис. д-ра фил. наук ЛО Ин-та языкознания АН СССР. Л., 1973. 40 с.

25. Бесписьменные индоевропейские языки в сравнительно-исторических исследованиях // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки: Тез. докл. М., 1973. С. 25—28 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

1974

26. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Пробл. картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 276—283 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

27. Бесписьменные языки и некоторые вопросы лингвистики текста // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. М., 1974. Ч. 1. С. 100—102 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

28. О генетических связях мунджанского языка // Актуальные вопр. исслед. иран. языков и диалектов: Тез. докл. М., 1974. С. 2—5 (совм. с В. А. Лившицем и И. М. Стеблин-Каменским).

1975

29. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1975. № 5. С. 136 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

30. Систанские сказания о Рустаме // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XI Годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. М., 1975. С. 99—103 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

1976

31. Сказки народов Памира: Пер. с памир. яз. М., 1976. 536 с. (Сост. и коммент. совм. с И. М. Стеблин-Каменским.)

Рец.: Бадахшони Советӣ. 1977. 12 янв. (Н. Шакармамадов); Первый сборник памирских сказок // Памир. 1977. № 4. С. 87—89 (Н. Шакармамадов. Х. Курбанов); Советская этнография, 1979. № 2. С. 180—181 (Б. Б. Лашкарбеков); Archív Orientální. 1977. Vol. 45. С. 355 (Jiří Bečka).

32. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976. 670 с. (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

Рец.: Бадахшони Советӣ. 1977. 8 июля (Б. Лашкарбеков); Маориф ва маданият. 1977. 23 авг.; BSOAS. 1977. Vol. 40. P. 635 (N. Sims-Williams); Archív Orientální. 1977. Vol. 45. P. 355 (Jiří Bečka); Acta Orientalia. 1983. Vol. 44. P. 256—258 (Ch. M. Kieffer).

Пер. на франц. см.: № 5

1978

33. Состояние и задачи изучения белуджского фольклора // Краткое сод. докл. Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1978. С. 16—17.

34. Памяти Георга Моргенстиерне // Народы Азии и Африки. 1978. № 5. С. 248—249 (совм. с И. М. Дьяконовым и И. М. Стеблин-Каменским).

35. К 60-летию Михаила Николаевича Боголюбова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 37, № 5. 1978. С. 472—473 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

1979

36. To the memory of Georg Morgenstierne // Afghan Studies. 1979. Vol. 2. P. 37—38 (совм. с И. М. Дьяконовым и И. М. Стеблин-Каменским).

37. О грамматической форме в памирских языках // Проблемы иранской филологии...: Материалы Всесоюз. науч. конф... Баку, 1979. С. 6—7 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

1980

38. Заметки по топонимии Афганского Бадахшана // Ономастика Востока. М., 1980. С. 165—169.

39. Путешествия по Восточному Гиндукушу: (1963—1968) // Страны и народы Востока. Вып. 22: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Кн. 2. М., 1980. С. 28—45.

40. Языки Восточного Гиндукуша: Язык кати. Тексты, грамматический очерк. М., 1980. 296 с.

Рец.: Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 226—228 (И. М. Стеблин-Каменский, Н. Л. Лужецкая); Journal asiatique. 1983. P. 191—206 (G. Fussman); Bulletin de la Soci t  de Linguistique de Paris, 1983 (P. Reichert).

1981

41. [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1981. № 1. С. 231—234. Рец. на кн.: Zargotina K'urda (Курдский фольклор) / Собр., сост., примеч. и предисл. Ордихане Джалила и Джалиле Джалила. М., 1978. Кн. 1—2. На курд. яз.

42. К изучению кафирских языков. Язык селения Вама // Иранское языкознание: Ежегодник, 1980. М., 1981. С. 228—231.

43. Сказки и легенды Систана / Пер. с перс., сост. и коммент. (совм. с И. М. Стеблин-Каменским). М., 1981. 271 с.

Рец.: Central Asiatic Journal. 1983. Vol. 27. P. 150 (Jifi Veřka).

1982

44. Татский язык // Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 231—286 (совм. с Л. Х. Давыдовой).

45. Белуджская легенда и Шададе и Маназ // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVI Годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР (докл. и сообщ. по иранистике). М., 1982. Ч. 2. С. 28—32.

46. Памяти М. Б. Руденко // Руденко М. Б. Курдская обрядовая поэзия: Похоронные причитания. М., 1982. С. 150—151.

1986

47. [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1986. № 1. С. 212—213 (совм. с Н. Л. Лужецкой). Рец. на кн.: Исторические песни пуштунов / Сост., пер. с пушту, вступ. ст., коммент. и указ. Г. Ф. Гирса. М., 1984.

48. [Рецензия] // Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 205—207 (совм. с Н. Л. Сухачевым). Рец. на кн.: Луд Ж.-И., Льевр В. Языческий солнцеворот: Зимние праздники у калаша Северного Пакистана. Париж, 1984.

49. От редактора // Йеттинар Карл. Религии Гиндукуша / Пер. с нем. К. Д. Цивиной. М., 1986. С. 3—4.

1987

50. Один мунджанский текст // Иранский сб.: К 75-летию со дня рождения и 50-летию науч. и пед. деят. проф. В. С. Расторгуевой. М., 1987. С. 22—27.

51. Афганский язык // Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987. С. 6—154 (совм. с Д. И. Эдельман).

52. Мунджанский язык // Там же. С. 155—235 (Историческая классификация глагольных основ, с. 200—212, составлена И. М. Стеблин-Каменским.)

53. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987. 240 с.

Рец.: Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 196—200 (В. В. Кушев).

1988

54. Предисловие ко второму изданию // *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 3—6 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

55. Афганистан: Языковая ситуация и языковая политика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 47, № 2. 1988. С. 167—173.

56. Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 189—220 (совм. с Р. Р. Рахимовым).

57. Стихи в переводе А. Л. Грюнберга // Девять встреч: Персидские анонимные повести / Пер. с перс. Н. Н. Туманович и И. К. Петровой. М., 1988. С. 36, 37, 38, 40, 41, 43, 45 и сл.

58. La langue wakhi. T. 1: Corpus de littérature orale. T. 2: Essai grammatical et dictionnaire wakhi — français. Edité et traduit par D. Indjoujian. Paris, 1988. 290 p. + 376 p. + 7 p. ill., carte. (совм. с И. М. Стеблин-Каменским). [Перевод № 32.]

59. Михаил Николаевич Боголюбов: К 70-летию со дня рождения // Учен. зап. ЛГУ. № 422. Сер. востоковедческих наук. Вып. 30: Востоковедение. 14: Филологические исслед. Л., 1988. С. 3—7 (совм. с А. Н. Болдыревым и И. М. Стеблин-Каменским).

1989

60. О некоторых вопросах изучения Афганистана в СССР // Народы Азии и Африки. 1989. № 1. С. 191—194.

61. Афганистика в Германской демократической республике // Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 157—159.

62. Автономия ГБАО: миф и реальность? // Памир. 1989. № 2. С. 146—153 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

63. В Афганском Бадахшане: Страницы из дневника // Страны и народы Востока. Вып. 24: Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. Кн. 3. М., 1989. С. 147—169.

64. Несколько замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко // Советская этнография. 1989. № 5. С. 35—38 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

65. Столица и провинция // Родина. 1989. № 3.

1990

66. Об одной публикации памирских сказок // Советская этнография. 1990. № 1. С. 170—171 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

67. The Baluchi Epic poem about Shadad and Manaz // Newsletter of Baluchistan Studies. 1990. Vol. 7. P. 41—52.

1991

68. Grammatical forms in the Pamir languages // 2nd European conference of Iranian Studies: Abstracts. Bamberg, 1991. P. 18—19 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

1992

69. Bilingualism among Indo-Iranians of Eastern Hindukush // Symposium «Bilingualism in Iranian cultures»: Vorträge. Bamberg, 1992. P. 103—106 (совм. с И. М. Стеблин-Каменским).

70. Некоторые черты традиционного мировоззрения пуштунов // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии: Сб. ст. М., 1992. С. 182—196, 219—220 (совм. с Л. Жехаком).

71. Afghanistan — Sprachsituation und Sprachenpolitik // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Völkerkunde. Dresden; Frankfurt. M., 1992. Bd. 46. S. 235—242.

1995

72. Кафирский гимн богу Мону (Из архива М. С. Андреева) // Петербургское востоковедение. Вып. 7. СПб., 1995. С. 605—620.

73. Нуристанские тексты из архива М. С. Андреева // Стахпакашраддха: Сб. ст. памяти Г. А. Зографа / Под ред. Я. В. Василькова и Н. В. Гурова. СПб., 1995. С. 144—161.

74. Материалы по этнографии и мифологии Нуристана из архива М. С. Андреева // Studien zur Indologie und Iranistik. 1994. Bd 19: Festschrift Georg Buddrus. Reinbek, [1995]. S. 83—107.

1996

75. Руководство по записи бытовых и этнографических текстов и сбору терминологической лексики: (Для диалектологов и исследователей письменных и младописьменных языков) // Вестник Восточного института. № 1 (3). Т. 2. СПб., 1996. С. 3—14.

76. Материалы по этнографии дардских народностей Восточного Гиндукуша (Долина Дигал) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1996. № 10. С. 310—331. (Статью подгот. к печ. В. В. Кушев и Л. Жехак.)

1997

77. Татский язык // Языки мира. Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997. С. 141—154.

Библиография работ, опубликованных под редакцией А. Л. Грюнберга, а также работ о нем напечатана в приложении к некрологу в 8-м выпуске «Петербургского востоковедения» (СПб., 1996. С. 640—668), где к разделу «Оппонирование диссертаций» (с. 667) следует добавить:

18. Юсупова З. А. Курдский диалект горани по литературным памятникам XVIII—XIX вв.: Дис. ... д-ра фил. наук (СПбГУ). СПб., 1992.

Примечания

1. Как рассказывала Елена Михайловна Пещерева, в 1925 г. в Ягнобе «...на пути из сел. Думзой в сел. Хшартоб... произошло несчастье — оборвался в реку карниз, по которому проходила тропа, и погибла часть багажа, в котором находились записи того года... а также записи, сделанные М. С. Андреевым в 1924 г.» (*Пещерева Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976. С. 5).

2. Первыми европейцами, прошедшими к образовавшемуся после землетрясения 1911 г. Сарезскому озеру в верховьях Бартанга, были И. И. Зарубин и Р. Готто в июле 1914 г. (см.: Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 143).

3. По разъяснению старшего брата, Алексея Леоновича Цветиновича, сестра деда, Дмитрия Николаевича Цветиновича, — Глафира Николаевна, по мужу — Михайловская, была матерью писателя Николая Георгиевича, принявшего псевдоним Гарин.

4. Именно в этой должности упоминается он в воспоминаниях Леонида Борисова: «...слово брал начальник театрального отделения [Политпросветуправления Петроградского военного округа] Леон Борисович Грюнберг, — ...говорил много интереснее... он опровергал... слова о том, что у нас нет красноармейской самодеятельности, — она есть, и пьесы ставят, но все же надо дать народу в шинели и Шекспира, и Мольера, и Гюго, и в особенности русских драматургов...» (*Борисов Л.* За крутым столом прошлого. Воспоминания. Л., 1971. С. 92, 95). В мае 1920 г. Л. Б. Грюнберг служил начальником культурно-просветительского отдела политотдела управления запасными войсками Петроградского военного округа и принимал участие в передаче в Академию наук библиотеки профессора М. И. Ростовцева: *Зуев В. Ю.* Рукописное наследие М. И. Ростовцева в архивах России // Скифский роман / Под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 17, 24.

5. У профессора Алексея Леоновича Цветиновича, заведовавшего кафедрой уголовного права Кемеровского университета, были две книги, в издании которых участвовал его отец: *Зегерс А.* Оцененная голова / Послел. Л. Б. Грюнберга. Л., 1935; *Вайан-Кутюрье П.* Несчастье быть молодым / Ред. и примеч. Л. Б. Грюнберга. Л., 1935. Алексей Леонович скоропостижно скончался в Кемерове 27 января 1997 г.

6. Письмо Алексея Леоновича Цветиновича от 12 марта 1995 г.

7. Турецкие народные сказки / Пер. с тур. Н. А. Цветинович-Грюнберг; Ред., ст. и коммент. Н. К. Дмитриева. Л., 1939. С. 2. В 1967 г. книга была переиздана с «незначительными изменениями» и стала одной из начальных в популярной серии «Сказки и мифы народов Востока», но посвящение было снято (видимо в связи с не уважавшими доверия ни годом кончины, ни фамилией).

8. У Р. Л. Цаболова Александр Леонович был в 1978 г. оппонентом по докторской диссертации.

9. Ю. Юсифов стал самым молодым доктором-востоковедом, защитив в 1964 г. диссертацию по истории Элама.

10. Н. П. Рычкова впоследствии тяжело болела, но постоянно помогала А. Л. в редактировании, подготовке рукописей к печати; скончалась она 25 декабря 1992 г.

11. Памяти Сэды Руденко А. Л. посвятил некролог [46].

12. В новом издании «Словаря востоковедов» (1995) С. Д. Милибанд дата смерти Ю. Е. ошибочна, должно быть — 31 марта 1984 г.

13. П. А. Грязневич потом стал арабистом; он трагически погиб 12 февраля 1997 г.

14. О нем см.: Иранский сборник: К 75-летию проф. И. И. Зарубина. М., 1963; *Стеблин-Каменский И. М.* Первое путешествие И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 139—150; Вопросы памирской филологии. Вып. 4: Материалы конференции к 100-летию И. И. Зарубина. Душанбе, 1992.

15. Опубликованная в VI т. «Трудов Института языкознания» (М., 1956. С. 57—91), эта студенческая работа поражает своей строгостью, лаконичностью и совершенством и, на мой взгляд, остается непревзойденной (Народы Азии и Африки. 1986. № 1. С. 216).

16. А. Л. любил рассказывать о прыжках с парашютом во время военных сборов и о разных комических эпизодах, связанных с этими острыми переживаниями. Мастерством же устного рассказа А. Л. Грюнберг владел в полной мере!

17. Точнее, «ноготь лешего», по-шугнански, собственно, «ноготь войда»: шугн. *войд*, ваханск. *ваgd* — примерно что-то вроде 'оборотень'. Такие напоминающие ноготь огромного существа костяшки привозят с Памира. По определению университетских зоологов, это «эпифиз тела позвонка некрутного горного копытного» (архары или киика).

18. «Мы называем это 'головка блока'».

19. Выражение акад. И. А. Орбели. Имеются в виду рыбы, которые занимаются ихтиологией, и птицы, считающие себя специалистами по орнитологии.

20. Как продолжает далее В. С. Соколова: «...так что я имела возможность сопоставлять различные их варианты: более ранние — в фонетической записи и более поздние — в фонологической. В дальнейшем обработка материалов, начиная с перевода текстов, велась Грюнбергом и мною независимо друг от друга и для разных целей...» (*Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973. С. 27—28). На протяжении всей книги В. С. так и продолжает именовать А. Л. — «Грюнберг».

21. Частично критика заключений В. С. Соколовой об особой близости мунджанского языка к шугнанскому изложена в нашем совместном с В. А. Лившицем докладе

на чтениях памяти И. И. Зарубина в 1974 г. [28] и в моей книге «Культурные растения в памирских языках» (М., 1982). Разбор ошибок Т. Н. Пахалиной содержится в примечаниях к нашему «Ваханскому языку» [32, с. 542—669].

22. Немцы-колонисты переселились в Серахс из Саратовской губернии еще в прошлом веке (см.: *Логофет Д. Н.* На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. Кн. 1: Персидская граница. СПб., 1909. С. 132, 213). В начале войны их выселили, но потом они вернулись. Репрессирован был и сам Исмаил, а его отец, по рассказам, изумительный сказитель, погиб на пересылках в Сибири.

23. О самом выдающемся полиглоте, кардинале Мецофанти, без акцента изъяснявшемся на 148 языках, Наполеон, пообщавшись с ним минут пять, как известно, высказался: «Да, слов у него в голове много, но мыслей нет совсем».

24. Заключительные строки неопубликованной критической рецензии на книгу Т. Н. Пахалиной «Ваханский язык».

25. Д-р Л. Жехак (Берлин) сообщил о наличии трех сохранившихся «азбук» — белуджской, «нуристанской» и пашаи, изданных в Кабуле в 1987—1988 гг. в соавторстве с афганскими филологами: Gryunberg, [Pröfaysur]; Pahwāl, [Kāndid Akādēmisen] °Abdolahakim; Helāli, [Mo°āwen-e sar-mohaqqeq] °Abdolahakim; Mehrzād, [Mohaqqeq] Golām Fāruq. Alefbā-ye Balōči. Kābōl, 1366 h. š. (=1987/ 1988); Gryunberg, [Pröfaysur]; Nurestāni, [Mohaqqeq] Ġānmahmud; Akmalġanā, [Mo°āwen-e mohaqqeq] Yāsmin. Alefbā-ye Nurestāni. Kābōl, 1366 h. š. (=1987/ 1988); Helāli, [Doktur] °Abdolahakim; Kalmāni, Mohammad Zamān; Alināyi, Sayyed A°zam. Alefbā-ye zabān-e Pašayi (Zir-e nazar-e [Pohānd] Mohammad Rahim Elhām wa [Pröfaysur] A. L. Gryunberg). Kābōl, 1367 h. š. (= 1988/ 1989).